УДК 327

Елена МАСЛОВА

Екатерина СОРОКОВА

РОССИЯ – ИТАЛИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Российско-итальянские отношения на официальном уровне и в СМИ характеризуют как “сотрудничество”, “партнёрство” и “стратегическое партнёрство”. При этом смысл используемых терминов остаётся неоднозначным. В представленной статье авторы разграничивают понятия “сотрудничество” и “партнёрство”, на основе анализа иностранной и отечественной литературы выделяют критерии стратегического партнёрства и анализируют состояние российско-итальянских отношений на современном этапе (1991–2018 гг.) через призму выделенных критериев. Авторы приходят к выводу, что российско-итальянские отношения на сегодняшний день в условиях действующих взаимных ограничительных мер представляют собой прагматичное отраслевое сотрудничество с элементами партнёрства.

Ключевые слова: Россия, Италия, российско-итальянские отношения, сотрудничество, партнёрство, стратегическое партнёрство, привилегированное партнёрство.

Двусторонние отношения России и Италии имеют многовековую историю. Помимо торгово-экономических и культурных связей, Россию и Италию объединяет наличие постоянного активного политического диалога, несмотря на сложную обстановку на международной арене, а также характерную для Италии внутривнутриполитическую нестабильность и частую смену кабинетов.

Официальные представители обеих стран не раз характеризовали двусторонние отношения термином “партнёрство”. Президент России В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно заявлял, что Италия является “привилегированным партнёром [России] в Европе и мире”¹. Так, ещё в 2001 г. в интервью итальянскому те-

¹ Начало беседы с Председателем Совета министров Италии Маттео Ренци // Президент России. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47780>.

© **Маслова Елена Александровна** – кандидат политических наук, доцент МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11-3. **E-mail:** elena.maslova21@gmail.com

Сорокова Екатерина Дмитриевна – магистр МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76. **E-mail:** sorokova.e.d@my.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120194859>

леканалу российский лидер констатировал: “Согласен с Вами в оценке, которую Вы дали российско-итальянским или итало-российским отношениям как привилегированным. Я абсолютно с этой оценкой согласен”¹. Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Италии С. Разов неоднократно называл двусторонние отношения России и Италии “привилегированным стратегическим партнёрством”², в т.ч., после 2014 г., когда были введены взаимные ограничительные меры³.

Итальянцы в оценке отношений с Россией прибегают к схожим терминам. Так, бывший глава МИД Ф. Фраттини заявлял о том, что Россия является “привилегированным партнёром” Италии в контексте новой архитектуры безопасности. Представитель нового жёлто-зелёного правительства, вице-премьер М. Сальвини в июне 2018 г. заявлял: “С Россией нужно иметь хорошие торговые отношения. Это стратегический партнёр с точки зрения энергетики и для наших компаний”.

Заметим, однако, что смысл избранного термина (привилегированное партнёрство) неочевиден. Цель данной статьи состоит не только в анализе основных тенденций и динамики российско-итальянских отношений на современном этапе, но и в попытке определить уровень двустороннего диалога наших стран. Иными словами: представляют ли собой российско-итальянские отношения стратегическое (привилегированное) партнёрство, как об этом периодически заявляют лидеры обеих стран?

Для этого необходимо решить следующие задачи: во-первых, дать определение понятию “партнёрство” и выявить, чем оно отличается от сотрудничества; во-вторых, определить критерии стратегического партнёрства. Наконец, на основе выделенных критериев и накопленного опыта рассмотреть двусторонние отношения России и Италии.

Сотрудничество и партнёрство: в чём разница?

Прежде всего, необходимо определиться с терминологией и разграничить два понятия – сотрудничество и партнёрство, которые как в общественном дискурсе, так и в научной литературе нередко используются как взаимозаменяемые понятия или синонимы.

Р. Карнвелл и А. Карсон (профессора уэльского Университета Рексем Глиндур), разграничивая смысл двух названных понятий, указывают на то, что сотрудничество – это процесс, а партнёрство – состояние [Carnwell and Carson, 2008] или формат отношений [Holslag, 2011]. П.А. Цыганков, говоря о наиболее распространённом толковании международного сотрудничества, отмечает, что при таком типе взаимодействия “одни акторы регулируют своё поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других через процесс [взаимной] координации политик”. Это предполагает наличие общих целей, ожидание странами выгод от ситуации и взаимный характер этих выгод [Цыганков, 2003]. Партнёрство, в

¹ Интервью итальянскому телеканалу РАИ-1 // Президент России. 2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21284>.

² Отношения между Россией и Италией характеризуются как привилегированное стратегическое партнерство – Сергей Разов // ТАСС. 2013. URL: <https://tass.ru/interviews/1598985>.

³ Разов С. Российско-итальянские отношения на фоне евроатлантической зимы // Международная жизнь. 2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14561>.

свою очередь, предполагает, что участники в равной степени разделяют как позитивные, так и негативные результаты совместных усилий [Carnwell and Carson, 2008].

В качестве отличительных признаков партнёрства иногда выделяются: неформальный характер связей (т.е. выход отношений стран за рамки исключительно контрактных обязательств), близость приоритетов и подходов, высокая степень доверия, а также наличие общей ценностной базы. Так, М. Валь (ранее – сотрудник Центра исследования европейской политики в Брюсселе, а ныне глава департамента по координации политики Европейской экономической зоны) указывает, что “наличие общих ценностей, интересов и взаимопонимания – основные критерии партнёрства, отличающие его от простого сотрудничества” [de Moraes y Blanco, 2015].

Обратимся к основополагающему документу в отношениях между Россией и ЕС – Соглашению о партнёрстве и сотрудничестве (СПС). Как замечает Ю.А. Борко, в самом документе отсутствует определение понятий, вынесенных в его название. Он указывает, что в основу партнёрства положены обязательства сторон “руководствоваться целями и принципами, на которых базируется современное развитое цивилизованное общество” [Борко, 2001].

Суммируя все вышеперечисленные подходы, можно отметить, что ключевым элементом сотрудничества является наличие общей цели при осуществлении совместной деятельности, в то время как партнёрство представляет собой более всеобъемлющее понятие, имеющее, помимо общей цели и интересов, ценностно-идеологическую компоненту. Таким образом, партнёрство считается более высоким уровнем взаимодействия сторон.

О концепции стратегического (привилегированного) партнёрства

Что касается определения понятий стратегического и привилегированного партнёрства, общепринятого толкования ни в политическом дискурсе, ни в научной литературе не находится¹. Многие исследователи, занимающиеся данным вопросом [de Moraes y Blanco, 2015; Holslag, 2011], подчёркивают сложившуюся неопределённость, иные предполагают, что политические деятели нередко используют эти словосочетания для констатации того, что двусторонние отношения вышли на более высокий уровень, или же для придания импульса отношениям [Жеглова, 2014].

Содержание и направления особых форм партнёрства, как правило, прописываются в соответствующих документах. У России и Италии подобный документ, закрепляющий договорённость о стратегическом партнёрстве, отсутствует. При этом в Плате действий 1998 г. сказано, что “Российская Федерация и Итальянская Республика... намерены обогащать и укреплять своё сотрудничество, с тем чтобы переводить его на уровень подлинного партнёрства”.

Как отечественные, так и зарубежные авторы, анализируя двустороннее взаимодействие, предпринимали попытки выделить и операционализировать подобные критерии. Среди них неоднократно фигурировали такие характеристики, как близость (или, как минимум, совместимость) стратегических целей и интересов,

¹ В настоящей работе термины “стратегическое партнёрство” и “привилегированное партнёрство” используются как синонимы.

осознание того, что объединение усилий необходимо для достижения поставленных целей; долгосрочность сотрудничества, значительное количество и разнообразие сфер и направлений взаимодействия, взаимная поддержка и доверие; наличие правовой базы партнёрства.

Некоторые авторы выделяли дополнительные критерии, например, глобальный масштаб партнёрства (т.е. взаимодействие на региональном и глобальном уровнях) [Holslag, 2011; Жеглова, 2014], большой приоритет и интенсивность контактов по сравнению с обычным уровнем взаимодействия с третьими странами, наличие институционализированных каналов коммуникации (диалогов, институтов, форумов и других площадок двустороннего взаимодействия) [Czechowska, 2013], общая ценностная база [Vahl, 2001; Новиков, 2010], примерное равенство потенциалов [Vahl, 2001], тесное взаимодействие в военно-технической сфере, системность, связанность с экономическим взаимодействием и традиционными угрозами безопасности, а также то, что результаты партнёрства должны оказывать влияние на население граждан страны [Новиков, 2010] (что, в частности, предполагает взаимодействие гражданских обществ).

Т. Уилкинс ставит стратегическое партнёрство в один ряд с такими терминами, описывающими способы объединения сил на международной арене, как альянс, коалиция, территория безопасности, а также более редкими его формами – “концертом”, “антантой”. Автор приводит четыре критерия, характеризующих особенности стратегического партнёрства: а) оно строится по “системным принципам”; б) носит неформальный характер; в) часто ассоциируется с экономическими темами и традиционными угрозами безопасности; г) основным элементом, продвигающим партнёрство, является цель [de Moraes y Blanco, 2015].

Дж. Хольслаг, политолог из Свободного университета Брюсселя, выделяет пять параметров: а) общность интересов и ожиданий; б) долгосрочный характер этих интересов и ожиданий; в) обязательное наличие общих целей минимум по трём направлениям сотрудничества (экономическому, политическому и военно-техническому); г) глобальный масштаб взаимодействия; д) невозможность достижения поставленных целей при отсутствии партнёрства как причина, побуждающая стороны к сотрудничеству [Holslag, 2011].

Для последующего анализа российско-итальянских отношений остановимся на следующих критериях стратегического партнёрства: 1) наличие правовой базы партнёрства и институционализированных каналов коммуникации; 2) позитивная атмосфера двусторонних отношений, наличие неформальных связей; 3) значительное количество и разнообразие сфер и направлений взаимодействия, в т.ч. сотрудничество в военно-технической сфере; 4) взаимная поддержка, наличие общей ценностной базы; 5) близость (или, как минимум, совместимость) стратегических целей и интересов; 6) взаимодействие на региональном и глобальном уровнях.

Российско-итальянские отношения сквозь призму стратегического партнёрства

Рассмотрим российско-итальянские отношения через призму критериев стратегического партнёрства.

1. Наличие правовой базы партнёрства и институционализированных каналов коммуникации.

Основополагающим нормативно-правовым актом российско-итальянских двусторонних отношений является Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Италией от 14 октября 1994 г., в котором стороны обозначили намерение развивать свои отношения как дружественные государства. В тексте Договора обозначены основные сферы сотрудничества: политика, экономика, промышленность и торговля, культура и гуманитарное сотрудничество, наука и технологии. Позже, в 1998 г., был подписан План действий в отношении между Российской Федерацией и Италией, в котором механизмы и направления взаимодействия оговариваются более детально.

За период с 1991 г. по настоящий момент Россия и Италия существенно расширили правовую базу отношений. Между странами подписано более 30 договоров и соглашений, из которых подавляющее большинство заключено до 2010 г. (после – только четыре).

Для обеспечения экономического и торгового сотрудничества Россия и Италия подписали целую серию секторальных соглашений, касающихся в т.ч. таможенного и налогового сотрудничества, финансового и валютного контроля, малого и среднего бизнеса. Столь же проработанным с нормативной точки зрения является сотрудничество по социальным и культурным вопросам, а также в сфере борьбы с преступностью.

Каркас архитектуры двусторонних отношений заложен в Договоре о дружбе и сотрудничестве. В ст. 7 оговаривается частота политических контактов на всех уровнях: высшем (не реже одного раза в год); министерском (встречи глав МИД не менее двух раз в год, глав Минобороны – периодически); парламентском. Создаются также специализированные рабочие группы. Стороны обязались содействовать расширению обменов между административно-территориальными единицами двух стран и между организациями гражданского общества (ст. 10).

Двусторонний политический диалог на высшем уровне развивается весьма активно и плодотворно для обеих стран. Контакты между странами поддерживаются и на других уровнях. Так, в 2002 г. начались регулярные межправительственные консультации. Состоялось восемь заседаний, однако с 2013 г. после встречи В.В. Путина и Э. Летты в Триесте эта практика была приостановлена.

Ведётся активный межведомственный диалог. Депутаты обеих стран осуществляют взаимодействие в рамках Большой российско-итальянской межпарламентской комиссии. С 2000 г. парламентарии провели 15 заседаний, причём последнее состоялось после двухлетнего перерыва 6 октября 2017 г. в Риме.

Заметим, что двусторонние контакты являются не только ведомственными. В 2004 г. по инициативе В.В. Путина и С. Берлускони основан Российско-итальянский Форум-диалог гражданских обществ. На встречах, проходящих не реже 1 раза в год, обсуждаются темы экономики, культуры, гуманитарных и общественных связей. Кроме того, в течение года Форум проводит в различных городах двух стран семинары, выставки, конференции и другие мероприятия.

Говоря о секторальном сотрудничестве на высоком уровне, следует упомянуть Российско-итальянский Совет по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. Он был основан в 1999 г.; сегодня в его рамках действуют несколько постоянных рабочих групп: по экономическому сотрудничеству и модернизации; промышленным округам и сотрудничеству в сфере МСБ; сель-

скому хозяйству; промышленности и высоким технологиям; туризму и культуре; космосу и транспорту. Встречи большинства из них состоялись в 2017 г.

2. Позитивная атмосфера двусторонних отношений, наличие неформальных связей.

Необходимо подчеркнуть, что Россию и Италию связывают не только формальные структуры и контрактные обязательства. Посол России в Италии А.Ю. Мешков (2004–2012 гг.) отмечал “схожую ментальность” россиян и итальянцев. Большую роль в создании взаимного положительного образа играет не только традиционная дипломатия, но публичная и личная дипломатия (дипломатия “второго трека”).

Возвращаясь к контактам на высшем уровне, стоит акцентировать внимание на практике неформальных визитов. Яркими примерами стали неофициальные визиты в Россию С. Берлускони и Р. Проди, в ходе которых обсуждались актуальные политические вопросы.

Эмоциональная составляющая очень сильна в российско-итальянских культурных связях. Вошедшие в искусство и культуру образы, созданные писателями, музыкантами, художниками и архитекторами, вызывают положительные ассоциации и интерес на эмоциональном уровне. Такую эмпатию, помогающую преодолевать конфликты идентичности, помощник секретаря МИД Италии М. Джиро называет “*italsimpatia*” [Табаринцева-Романова, 2014].

Однако после инцидента в Солсбери Италия, в знак солидарности с Соединённым Королевством и в координации с европейскими партнёрами и союзниками по НАТО, приняла решение о высылке двух российских дипломатов. Подобное решение не способствовало укреплению атмосферы доверия между странами.

3. Значительное количество и разнообразие сфер и направлений взаимодействия, в т.ч. тесное сотрудничество в военно-технической сфере.

Приоритетной сферой сотрудничества для обеих стран является экономика и торговля. Интенсивное взаимодействие мотивировано, прежде всего, потребностью Италии в поставках российских энергоносителей и заинтересованностью РФ в итальянских товарах широкого потребления и технологиях. С 1999 по 2008 гг. двусторонний товарооборот скачкообразно вырос почти в шесть раз. Для России Италия на протяжении всего периода выступает одним из главных торговых партнёров, входя в первую “пятерку”. Россия занимает место в первой десятке стран итальянского импорта.

Р. Пело (бывший директор московского отделения ICE) и В. Торрембини (вице-президент Ассоциации итальянских предпринимателей в РФ) отмечают, что представители итальянского бизнеса относятся к российскому рынку как к стратегически важному, предпочитая инвестировать на средне- и долгосрочный период. Лидеры Италии неоднократно заявляли о том, что экономики двух стран являются взаимодополняемыми. Р. Пело и В. Торрембини указывают на высокую степень специализации и концентрации итальянского экспорта в РФ [Пело, Торрембини, 2010].

Уровень энергозависимости Италии от поставок из третьих стран высок, поэтому страна заинтересована в энергетическом сотрудничестве с Россией. В 2000-е гг. заключены сделки между крупнейшими энергетическими компаниями двух стран: “Газпромом” и “Eni”, “Лукойлом” и “ERG”, “Eni” и “Роснефтью”, а также соглашения о поставках газа в Европу по южному направлению.

Однако после 2014 г. сотрудничество стран в высокотехнологичных сферах оказалось заморожено. Итальянский бизнес, столкнувшись с новыми санкционными реалиями, был вынужден адаптироваться (концепция “*Made with Italy*”).

Развивается взаимодействие и в финансовом секторе. В 2003 г. первым итальянским банком, открывшим свои отделения в России, стала группа “*Intesa San Paolo*”. На данный момент банк “*Intesa*” обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией, через него проходит подавляющая часть операций, связанных с итальянскими инвестициями в РФ и российскими – в Италии. На российском рынке функционируют и другие итальянские банки – “*UniCredit*”, старейший “*Monte dei Paschi*”, UBI, “*Banco Popolare*”, “*Mediobanca*”.

В области безопасности страны заключили ряд специализированных соглашений: о содействии в уничтожении запасов российского химоружия (2000, 2003 гг.), утилизации российских атомных подводных лодок (2003 г.), взаимной охране интеллектуальной собственности в сфере двустороннего ВТС (2007 г.). Ещё два документа 2010 и 2011 гг. касаются транзита грузов через российскую территорию в связи с участием Италии в операции НАТО в Афганистане.

В 1996 г. создана Смешанная комиссия по ВТС, последнее заседание которой состоялось в декабре 2013 г. в Санкт-Петербурге. В мае 2010 г. военнополитический диалог между Россией и Италией был расширен, и в Риме создан новый формат встреч “2+2” – между главами МИД и Минобороны.

Отдельное направление ВТС составляют совместные учения. Корабли ВМС России и Италии неоднократно отправлялись на учения “*Ионекс*”. Подобные мероприятия проводили и сухопутные вооружённые силы. Подразделения МЧС принимали участие в международных учениях НАТО (“*Лацио-2006*”) и ЕС (“*ТЕРЕКС*” в Тоскане в 2010 г.). Однако необходимо отметить, что стороны не ведут совместных НИОКР военного назначения и не осуществляют торговлю продукцией в этой сфере; в целом характер ВТС можно определить как консультационный.

В Договоре 1994 г. оговаривался механизм двусторонних консультаций в случаях, создающих, по мнению одной из сторон, угрозу миру или международной безопасности. Россия и Италия обязались информировать друг друга и незамедлительно вступать в контакт с целью согласования инициатив для ослабления напряжённости и урегулирования таких ситуаций. Незамедлительные консультации также возможны при возникновении инцидентов, затрагивающей интересы одной стороны (ст. 6). Показательно, что в условиях санкционных ограничений и фактического замораживания отношений России с НАТО в итальянском “правительственном контракте” 2018 г. обозначено, что РФ не представляет военную угрозу, а является “потенциальным партнёром НАТО и ЕС”. Подчёркивая, что Италия продолжает рассматривать США в качестве “привилегированного союзника”, страна вновь стремится найти баланс между политикой европеизма и атлантизма, в то же время поддерживая особые отношения с Россией [Маслова, 2016].

Основу диалога между русскими и итальянцами с давних времён заложило культурное сотрудничество. На современном этапе базовым документом в этой сфере остаётся Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования 1998 г. Укреплению культурных связей способствуют “перекрёстные годы” туризма, молодёжных обменов, культуры. В 2011 г. успешно прошёл Год итальянской культуры и итальянского языка в России и русской культуры и языка в Италии,

правовой основой для проведения которого стали подписанные в 2009 г. протокол и меморандум о намерениях. Годом туризма был объявлен 2014 г., причём Италия стала первой европейской страной, с которой Россия провела Год туризма. Таким образом, культурно-исторический фундамент является прочной основой для успешного развития двусторонних отношений.

4. Взаимная поддержка, наличие общей ценностной базы.

Начиная с 1990-х гг. Италия более склонна к стратегии вовлечения России в европейские дела, нежели к её сдерживанию, настаивая на необходимости конструктивного сотрудничества ЕС и НАТО с Москвой. В нескольких эпизодах такая поддержка проявлялась особенно ярко. Так, Италия содействовала превращению “Группы семи” в “Восьмёрку”. На саммите 1994 г. в Неаполе, в котором принял участие Б.Н. Ельцин, был сформирован формат “G7+1”. Формат оформился в G-8, когда в 2001 г. С. Берлускони пригласил в Геную В.В. Путина. Факт того, что Россия не участвует в саммите с 2014 г., многими политиками Италии расценивается отрицательно.

Италия активно поддерживала процесс развития отношений между РФ и НАТО, не отступая от обязательств перед союзниками. В 2002 г. на саммите в Риме была подписана совместная декларация “Отношения Россия – НАТО: новое качество” и создан Совет Россия – НАТО (СРН). Если Совместный постоянный совет, учреждённый в соответствии с Основополагающим актом Россия – НАТО 1997 г., был диалоговым форматом “19+1”, то с того момента партнеры обрели равноправный статус.

С июля по декабрь 2003 г., занимая пост председателя ЕС, Италия поддерживала регулярные контакты с РФ по вопросам кризисного урегулирования, борьбе с терроризмом, ситуации на Ближнем Востоке, нераспространению ОМУ. Для России были важны решение проблемы калининградского транзита и вопросы визового регулирования для граждан РФ. Когда в 2008 г. Евросоюз оценил действия России в Южной Осетии как фактический отказ от стратегического партнёрства, Италия во главе с С. Берлускони помогла предотвратить открытую конфронтацию. Премьер приложил усилия для размораживания работы СРН, считая, что необходимо думать о европейской безопасности и России, а не о разногласиях по Грузии [Арбатова, 2011]. Рим и сегодня последовательно выступает против международной изоляции Москвы, поскольку, по мнению руководства Италии, участие РФ необходимо для построения надёжной общеевропейской системы безопасности.

Что касается позиций стран по вопросам мировой повестки дня, то они на первый взгляд во многом схожи. Страны занимают близкую позицию по таким вопросам, как борьба с международным терроризмом и распространением ОМУ, в целом поддерживают универсальные ценности ООН.

Общие подходы стран обозначены в Договоре о дружбе и сотрудничестве 1994 г.: укрепление роли ООН как гаранта мира и разрешение споров мирными средствами (ст. 2); укрепление европейской безопасности и сотрудничество с целью поддержания и развития соответствующих механизмов и институтов – СБСЕ, ЕС, НАТО, ЗЕС и Совета Европы (ст. 3). Страны обязались способствовать укреплению принципов правового государства, демократии, политического плюрализма и защите прав человека (ст. 4), продолжению процесса разоружения (не только в сфере ОМУ, но и конвенционального оружия) и укреплению режима нераспространения ядерного оружия (ст. 5).

Однако при более внимательном анализе политики выявляются расхождения в позиции двух стран (см. п. 6). Также можно отметить, что Договор о дружбе 1994 г. между Россией и Италией нуждается в обновлении и актуализации. Аксиологические максимы сторон общие – это демократия, верховенство закона, безопасность и т.д., однако эти понятия трактуются часто по-разному и избираются разные методы достижения этих ценностей.

5. Близость (или как минимум совместимость) стратегических целей и интересов.

Национальные интересы Италии исторически определены процессом создания итальянского государства и его *status quo*, сложившимся по итогам Второй мировой войны. Кроме того, интересы заданы геополитическим расположением в центре Средиземноморья, а также являются прямым отражением социальной и экономико-производственной структуры страны. Для Италии, страны-основательницы ЕС и члена НАТО, европейский проект и архитектура трансатлантической безопасности представляют два столпа внешней политики. Таким образом, основными внешнеполитическими приоритетами выступают: Средиземноморье, Европа и трансатлантические связи.

Среди жизненно важных интересов Италии, перечисленных в Белой книге, выпущенной Министерством обороны в 2015 г., обозначены: поддержание безопасности европейского континента и трансатлантического пространства; мировая стабильность и международная система, в которой обеспечивается уважение основных прав и свобод человека и глобальное экономическое развитие; привлечение иностранных инвестиций и участие в международной торговле. Защите интересов служит сотрудничество в рамках европейских и трансатлантических организаций, а также на глобальном и двустороннем уровнях.

Российская Федерация, в отличие от Италии, имеет регулярно обновляемую Концепцию внешней политики. Начиная с 1993 г. Италии уделялось отдельное, но не первостепенное внимание в разделе о региональных приоритетах. В ст. 66 Концепции внешней политики РФ 2016 г. активизация взаимовыгодных двусторонних связей с Италией (наряду с ФРГ, Францией и Испанией) названа “важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах”. Основной внешнеполитический приоритет РФ – формирование нового мироустройства через многовекторную дипломатию. Причём, если Италия выступает за многосторонность (мультилатерализм), то Россия – за многополярность, претендуя на роль одного из полюсов.

6. Взаимодействие на региональном и глобальном уровнях.

Выступая на российско-итальянской конференции в Вероне в октябре 2017 г., заместитель премьер-министра М.Э. Боски подчеркнула, что поддержание и интенсификация диалога с Россией по вопросам глобального управления особенно важны в эпоху, когда США под руководством Д. Трампа начинают отказываться от обязательств в таких сферах, как торговля и защита климата [Gresco, 2018]. Позиции сторон совместимы по таким вопросам, как борьба с изменением климата, регулирование международной торговли на основе правил ВТО.

Напротив, в вопросах глобальной и региональной безопасности взаимодействие складывается не всегда просто. Рассмотрим подробнее взаимодействие стран, связанное с ситуацией на Украине, в Ливии и Сирии. По вопросу украинского кризиса позиция Италии двойственна. Стоит упомянуть, что в 2013 г., когда правительство

Украины накануне саммита Восточного партнёрства в Вильнюсе приняло решение приостановить процесс подготовки к заключению Соглашения об ассоциации с ЕС, Рим сразу заявил о необходимости сотрудничества с Россией по данному вопросу. С 2014 г. правительство разделяет общую позицию ЕС, выступая за соблюдение и выполнение Минских соглашений. Парламенты регионов Венето, Ломбардии и Лигурии приняли резолюции, призывающие к снятию санкций и признанию референдума в Крыму, а видные итальянские политики – С. Берлускони, М. Сальвини – посещали полуостров; бизнесмены рассматривают возможность сотрудничества с этим российским регионом. В марте 2015 г. М. Ренци стал первым западным лидером, приехавшим в Москву с официальным визитом после введения санкций ЕС и США. Таким образом, Италия вновь приняла на себя роль “моста” между Россией и Западом, не предпринимая, однако, активных действий по отмене санкций [Маслова, Шибкова, 2017].

Средиземноморье для Италии – геополитический приоритет. Самой неблагоприятной перспективой для страны стало бы его превращение в “Mare Nullius” – область вакуума власти. После операции НАТО в Ливии в 2011 г. и последовавшего за ней распада североафриканской страны нестабильность в этом регионе возросла. Интересы Италии страдают: поставки газа и нефти, обеспечивавшие около 15% потребности страны, заморожены; десятки тысяч беженцев и нелегальных мигрантов устремляются к итальянским берегам. В этих условиях правительство Италии стремится заручиться поддержкой России, чтобы вовлечь её в урегулирование ситуации в Ливии. Рим отмечает желание Москвы сотрудничать с целью урегулирования ситуации в Ливии и решения вопроса нелегальной миграции из Северной Африки. Россия оказывает содействие по первому вопросу, однако в решении второго активно участвовать не готова.

Что касается проблемы сирийского урегулирования, с одной стороны, Италия выступает за переговоры представителей оппозиции и режима под эгидой ООН при решающей и конструктивной роли России. Италия высоко оценила Астанинский процесс и приветствует усилия РФ, Турции и Ирана, а также выступает за возобновление переговоров в Женеве. Рим официально отказался от предоставления союзникам по НАТО баз для нанесения военных ударов по Сирии, считая, что такая помощь не является частью “поддержки по линии логистики”, которую Италия обязана оказывать Альянсу. Выступая на ГА ООН 26 сентября 2018 г., Дж. Конте отметил, что “затянувшийся конфликт, который терзает Сирию на протяжении семи лет, продемонстрировал всю ограниченность военных средств урегулирования. Мы обязаны поддержать действия ООН и специального посланника де Мистуры”.

С другой стороны, Италия как член НАТО в целом поддерживает действия США в регионе, считая их оправданными и своевременными, а также придерживается линии ЕС по отношению к Б. Асаду. В феврале 2018 г. МИД Италии возложил на “сирийский режим” ответственность за жертвы среди гражданского населения во время наступления в Восточной Гуте и призвал страны-создательницы Астанинского формата приложить все усилия для того, чтобы остановить “катастрофу”.

Итальянские эксперты отмечают, что в 2017 г., несмотря на наличие общей заинтересованности в борьбе с терроризмом, сотрудничество с Россией в сфере согласованного управления конфликтами на Ближнем Востоке и в Средиземноморье не продвинулось вперёд [Gresco, 2018].

Подводя итоги

В настоящей статье рассмотрены понятия “сотрудничество” и “партнёрство” в межгосударственных отношениях, а также выделены критерии, характеризующие стратегическое партнёрство. Через призму этих критериев проанализированы российско-итальянские отношения на современном этапе – с 1991 по 2018 гг.

Двусторонние отношения России и Италии имеют наполнение по ряду характеристик стратегического партнёрства. Так, у них имеется хорошо проработанная правовая база, включающая как общие, так и секторальные соглашения. Сотрудничество страны ведут по большому спектру направлений, отношения характеризуются долгосрочностью, регулярностью и интенсивностью контактов, в т.ч. на высоком и высшем уровне. В отношениях в целом преобладает общая позитивная атмосфера, присутствуют неформальные связи как на уровне лидеров обеих стран, так и на уровне гражданского общества. Россия и Италия разделяют общие универсальные ценности.

Однако при рассмотрении конкретных случаев (Украина, Ливия, Сирия), стратегические подходы сторон часто разнятся. Россию и Италию связывают в основном прагматичные интересы в первую очередь торгово-экономического характера. Учитывая то, что Италия является культурной сверхдержавой, интенсивно развивается культурное сотрудничество.

Характеризуя двусторонние отношения России и Италии, можно вернуться к словам М. Сальвини о том, что Россия является “стратегическим партнёром с точки зрения энергетики и для наших компаний”, иными словами, в настоящее время речь идёт о прагматическом отраслевом сотрудничестве с элементами партнёрства.

Список литературы

- Арбатова Н.К. (2011) Италия – голос России в Европе? *IFRI. Russie Nei Visions*, №62.
- Борко Ю.А. (2001) Отношения России с Европейским Союзом и их перспективы, *Доклады Института Европы №73*, Издательский дом “Экслибрис-Пресс”, Москва, Россия.
- Жеглова Ю.Г. (2014) Стратегическое партнёрство как формат межгосударственных отношений, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, №3, с. 115–122.
- Маслова Е.А. (2016) Европеизм и атлантизм во внешней политике Италии, *Международные процессы*, №4(47), Т. 14, с. 106–115.
- Маслова Е.А., Шибкова М.А. (2017) Позиции итальянских партий по вопросам санкций в отношении России, *Современная Европа*, №3(75), с. 122–132.
- Новиков И.А. (2010) Стратегическое партнёрство как феномен международной политики, *Вестник Волгоградского государственного университета*, Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения, № 1(17), с. 117–124.
- Пело Р., Торрембини В. (2010) *Sdelano v Italii. Итальянский бизнес в России*, Международные отношения, Москва, Россия.
- Табаринцева-Романова К.М. (2014) “Italsimpatia” как элемент культурной дипломатии в развитии российско-итальянских отношений, *Итальянская республика в меняющемся мире*, Сер. “Доклады Института Европы”, Институт Европы РАН, Москва, Россия, с. 65–71.
- Цыганков П.А. (2003) *Теория международных отношений*, Гардарики, Москва, Россия.

References

- Arbatova N.K. (2011) Italiya – golos Rossii v Evrope? [Italy – Russia’s voice in Europe?] *IFRI. Russie Nei Visions*, no. 62.
- Borko Yu.A. (2001) *Otmosheniya Rossii s Evropejskim Soyuzom i ih perspektivy* [Russia-EU Relations and its Perspectives], Ekslibris-Press, Moscow, Russia.

Carnwell R. and Carson A. (2008) “The concepts of partnership and collaboration”, in: Carnwell R. and Buchanan J. (eds.), *Effective Practice in Health, Social Care and Criminal Justice: A Partnership Approach*, Open University Press, UK, pp. 3–21.

Czechowska L. (2013) The Concept of Strategic Partnership As an Input In The Modern Alliance Theory, *The Copernicus Journal of Political Science*, no. 2 (4), pp. 36–51.

Czygankov P.A. (2003) *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij* [Theory of International Relations], Gardariki, Moscow, Russia.

de Moraes y Blanco F.L. (2015) “On The Uses And Functions of “Strategic Partnership”, in: International Politics: Implications for Agency, Policy and Theory, Ph.D. Thesis, Bielefeld University, Germany.

Greco E. (ed.) (2018) *L'Italia al bivio. Rapporto sulla politica estera italiana*, edizione 2018, Istituto Affari Internazionali, Nuova Cultura, Rome.

Holslag J. (2011) The Elusive Axis: Assessing the EU – China Strategic Partnership, *Journal of Common Market Studies*, vol. 49, no. 2, p. 293–313.

Maslova E.A. (2016) Evropeizm i atlantizm vo vneshnej politike Italii [Italian foreign policy between atlanticism and eurocentrism], *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 4(47), vol. 1, pp. 106–115.

Maslova E.A. and Shibkova M.A. (2017) Poziczii italyanskikh partij po voprosam sankcij v otnoshenii Rossii [Attitudes of the Italian parties to the sanctions against Russia], *Sovremennaya Evropa*, no. 3(75), pp. 122–132.

Novikov I.A. (2010) Strategicheskoe partnerstvo kak fenomen mezhdunarodnoj politiki [Strategic Partnership as an International Politics Phenomenon], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 4. Istoriya, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniya, no. 1(17), pp. 117–124.

Pelo R. and Torrembini V. (2010) *Sdelano v Italii. Italyanskij biznes v Rossii* [Made in Italy. Italian business in Russia], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia.

Tabarinczeva-Romanova K.M. (2014) “Italsimpatia” kak element kulturnoj diplomatii v razvitii rossijsko-italyanskikh otnoshenij [“Italsimpatia” as an Element of Cultural Diplomacy in the Development of Russian-Italian Relations], *Italyanskaya respublika v menyayushhemsya mire*, Ser. “Doklady Instituta Evropy”, Institut Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 65–71.

Vahl M. (2001) Just Good Friends? The EU-Russian “Strategic Partnership” and the Northern Dimension, *CEPS Working Document*, no. 166.

Zheglava Yu.G. (2014) Strategicheskoe partnerstvo kak format mezhdunarodnykh otnoshenij [Strategic Partnership as a format of interstate relations], *Kontury globalnykh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, no. 3, pp. 115–122.

Russia – Italy: Conceptual Analysis of Bilateral Relations

Authors: Maslova E., Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor at MGIMO-University, Senior Research Fellow at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** elena.maslova21@gmail.com

Sorokova E., M.A. in International Relations (2018), MGIMO-University. **Address:** 76 pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** sorokova.e.d@my.mgimo.ru

Abstract. Russian-Italian relations have been repeatedly characterized as “cooperation”, “partnership” or “strategic partnership” both on an official level and in the media. However, the exact meaning of these terms remains unclear. In this paper the authors make a distinction between the terms “co-operation” and “partnership”, define the criteria of a “strategic partnership” based on Russian and foreign literature and analyze Russian-Italian relations at the present stage (1991–2018) using the designated criteria. The authors conclude that, taking into account mutual restrictive measures, Russian-Italian relations should be characterized not as a strategic partnership, but rather as a pragmatic sectoral cooperation with some elements of partnership.

Key words: Russia, Italy, Russia-Italy relations, cooperation, partnership, strategic partnership, privileged partnership.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120194859>